

Фелуция Уайлдс. Лагерь в овраге.Гермиона, словно призрак, материализовалась у входа в их крохотное убежище, вырубленное в скале. Гарри ждал ее, и его взгляд, полный тревоги, говорил о том, что он тоже ощущает то, что терзало ее. — Плохо? — спросила она, едва сдерживая дрожь. — Хуже, чем плохо, — кивнул Гарри, не отрывая от нее взгляда. — Эти видения... они не хотят отпускать.Несмотря на то, что они ушли далеко от поля боя, ее разум все еще был полон чужих эмоций, чужих воспоминаний. Вспышки света, голубого и зеленого, мерцали перед глазами, смешиваясь с чувством шока, предательства, боли... и страха. — Я не могу их отбросить, — прошептала Гермиона, сжимая виски.— Я знаю, — сказал Гарри, его голос был спокоен, несмотря на то, что и он сам, должно быть, чувствовал себя не лучше. Гермиона вспомнила, как тяжело давался ему этот дар — видеть и чувствовать чужие эмоции, — и ей стало его жаль. Он справился с этим лучше, чем она, но только потому, что привык к подобным испытаниям. — Нужно усилить защиту, — сказал Гарри, его взгляд скользнул на женщину, которую он держал на руках. — Не уверен, что они могут до нас добраться, но лучше перестраховаться. — Я сделаю это, — кивнула Гермиона.Она понимала, что Гарри, защищая их, также давал ей время собраться с мыслями, отвлечься от пугающих видений. — Нужно спешить, — произнес Гарри, и его слова прозвучали почти как мольба. Он передал женщину в ее руки, и та, несмотря на стазисные чары, испачкала его одежду своей кровью. — Скоро, — прошептала Гермиона, наблюдая, как Гарри уходит с женщиной в палатку. Она достала кожаный мешочек, один из ее собственных изобретений, внутри которого, как и в старой сумочке из бисера, было больше места, чем казалось. В нем хранился ее аварийный запас — лечебные зелья, скрижали из рунического камня и магнитный мел. Гермиона разложила инструменты на земле и начала работать. Словно танцовщица, она водила палочкой по камню, вырезая рунические решетки. Первая руна, Турисаз, — руна защиты и регенерации, — сияла на скрижали, а вокруг нее, словно нити, вились формулы Протега, Фианто Дури, Сальвио Гексия... Заклинания, которые должны были предупреждать о врагах и отгонять их. Затем она перевернула скрижаль и начертала Альгиз — руну, защищающую близких, отпугивающую зло. К ней добавились Уруз и Эйхвас — руны силы и выносливости, — и Кеназ, обещающая новую энергию и мощь. Второй камень был более сложным. На нем она начертала Пертро — руну скрытности, — и Иса, перевернутую, чтобы противостоять своим обычным свойствам. — Все готово? — спросил Гарри, возвращаясь из палатки. — Почти, — ответила Гермиона, сжимая палочку. — Осталось только активировать. — Тогда активируй, — сказал Гарри, его взгляд был полон решимости. — Я сделаю все, что смогу, — прошептала Гермиона, и ее голос был полон тихой мощи. В её руках камень, измененный, переосмысленный, таил в себе новую, зловещую сущность. Теперь он олицетворял обман, скрытность, иллюзию, и этот обман стал ещё сильнее, словно увенчанный тёмной короной. Эйхвас, Уруз, Кеназ - руны, высеченные на его поверхности, придавали камню силу и долговечность, делая его оберегом для самозащиты, но оберегом, увы, не светлым. Всё было готово. Она провела острой палочкой по своей руке, оставив неглубокий надрез, из которого медленно, но верно, сочилась кровь. Это была плата, цена, которую она готова была заплатить. Каплями, тонкими струйками, кровь стекала в вырезанные руны, словно питая их жизнью. Она запечатала их, остановив кровотечение, а затем, вложив всю свою волю, произнесла древнее заклинание, запускающее чары. Сила, вырвавшаяся из неё, была мощной, но сдержанной. Она не могла отдать всего себя, рискуя истощить собственные резервы. Но этого было достаточно, чтобы пробудить камень, заставить его действовать. Теперь его сила черпала энергию из окружающего мира, как она и задумала, но на первых порах, пока чары не окрепнут, он нуждался в её поддержке. Эта жертва - капля крови и часть её силы - сделала его крепче, готовым к защите, если кто-то посмеет напасть на неё в ближайшее время.